

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ МОНИТОРИНГ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КАК ЭЛЕМЕНТ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Дмитрий МИРОНЮК,

соискатель кафедры уголовно-правовых дисциплин факультета права и массовых коммуникаций
Харьковского национального университета внутренних дел

Summary

This article is devoted to the characteristic of criminological monitoring of legal regulation's efficiency as an element of crime counteraction system. Based on a critical analysis of existing approaches to the definition of criminological monitoring, its author's definition is formed. The object and subject of criminological monitoring of legal regulation's efficiency are defined. The idea about its involvement into social and legal mechanism of crime counteraction is upheld. The author believes that criminological monitoring of legal regulation's efficiency in accordance with the functional parameters of legal factors within the structure of crime counteraction system may be presented by two relatively independent directions (kinds): criminological monitoring of general social legal regulation's efficiency and legal regulation in the sphere of crime counteraction.

Key words: legal regulation, efficiency, monitoring, criminality counteraction, control, management.

Аннотация

Статья посвящена характеристике криминологического мониторинга эффективности правового регулирования как элемента системы противодействия преступности. На основании критического анализа существующих подходов к определению криминологического мониторинга, формируется его авторская дефиниция. Определён объект и предмет криминологического мониторинга эффективности правового регулирования. Отстаивается мысль о его включённости в социально-правовой механизм противодействия преступности. Автор считает, что криминологический мониторинг эффективности правового регулирования в соответствии с функциональными параметрами правовых факторов в структуре системы противодействия преступности может быть представлен двумя относительно самостоятельными направлениями (разновидностями): криминологический мониторинг эффективности общесоциального правового регулирования и правового регулирования в сфере противодействия преступности.

Ключевые слова: правовое регулирование, эффективность, мониторинг, противодействие преступности, контроль, управление.

Постановка проблемы. Криминологический мониторинг эффективности правового регулирования является своеобразным субинститутом криминологической науки и практики, входит в состав такого гносеологического и праксеологического образования в системе криминально-превентивной деятельности как мониторинг противодействия преступности. Поэтому логично допустить, что исследуемый нами вид мониторинга должен владеть всеми родовыми признаками последнего и при этом приобретать специфические черты, учитывая особенности собственного объекта, предмета. Таким образом, научный поиск в этом направлении целесообразно организовать по дедуктивной схеме, уделив первичное внимание именно понятию сущности мониторинга противодействия преступности как таковому.

Актуальность. Необходимость разработки научных основ криминологического мониторинга эффективности правового регулирования обуславливается существующей необходимостью в своевременном выявлении и устранении правовых факторов преступности.

Последние же являются продуктом как непродуманного правотворчества, так и природной инертности правового регулирования, которая особо остро проявляется в сверхдинамичных условиях современности.

Криминологический мониторинг в разные времена становился предметом исследования ряда ученых, среди которых – А.М. Бандурка, Е.Н. Блаживский, Я.И. Гишинский, А.Н. Джужа, А.Э. Жалинский, Е.П. Ким, А.Н. Литвинов, Ю.В. Орлов, Д.А. Шестаков и другие. Однако, невзирая на наличие достаточно основательных разработок понятия, сущности, функциональных и методических характеристик криминологического мониторинга, следует признать наличие свободных зон научного поиска, предопределенных различным видением как концептуальных, так и сугубо прикладных аспектов мониторинговой деятельности в сфере противодействия преступности. Кроме того, мало изученным остаётся криминологический мониторинг эффективности правового регулирования, чем и обуславливается актуальность темы статьи.

Цель статьи – охарактеризовать структурно-функциональную природу криминологического мониторинга эффективности правового регулирования как элемента системы противодействия преступности.

Изложение основного материала. Е.П. Ким определяет криминологический мониторинг как *систему наблюдения (курсив наш – Д. М.)* за состоянием и тенденциями изменения ситуации в сфере противодействия преступности [1, 24]. Подобное определение фигурирует также и в трудах А.Г. Горшенкова [2, с. 27], А.В. Карпеца, И.Е. Махрова [3, с. 114], И.В. Стороженко [4, с. 57] и некоторых других ученых.

Однако изложенный подход к определению криминологического мониторинга кажется несколько суженным, сводится фактически к определенной технической функции наблюдения и не отображает направленность этой разновидности криминально-превентивной практики. Как справедливо замечает И.А. Кривобоков, в сфере социального управления мониторинг рассматривается как способ познавательной и предметно-практической деятельно-

сти, которая обеспечивает комплексную оценку социальных ситуаций, что позволяет осуществить эффективное прогнозирование и выработку оптимальных управленческих решений [5, с. 52]. Аналогичное понимание мониторинга излагает и Е.М. Рычихина, которая представляет его в виде процесса систематического отслеживания и сбора данных о системе управления и внешних факторах, влияющих на неё, обработки, хранения, использования, и распространения полученных результатов с целью эффективного влияния субъекта управления на управляемый объект [6, с. 18-19]. Действительно, неоправданным кажется сужение сущности мониторинга исключительно к инструменту фиксации. Его возможности и назначение значительно шире, предусматривают формирование не только лишь обобщённой информационной базы, в частности криминологической направленности, но и аналитически обработанной, предметно применённой для прогнозирования и преобразования социальной действительности. Именно благодаря таким качествам, мониторинг (в том числе криминологический) может претендовать на определённую функциональную роль в управленческой структуре того или иного системного образования социального управления, в том числе – и системы противодействия преступности.

В этом аспекте считаем целесообразным согласиться с Е.Н. Блаживским в том, что в результате оперирования исключительно категорией «наблюдение» для обозначения мониторинга теряется его ценность как инструмента управления в системе противодействия преступности, ведь игнорируется, во-первых, такая существенная его процедурная составляющая, как оперативная оценка и анализ собранной криминологической информации. В то же время постановка этих задач перед мониторингом является необходимым элементом обеспечения его процедурного совершенства и связей с процессом управления. Последний средствами мониторинга должен обеспечиваться не простым набором статистических и фактологических сведений, но и криминологически интерпретированной информацией на заранее определённой методологической платформе [7, с. 25]. Размышляя в ука-

занном направлении, В.И. Добренков, Н.И. Ефимов, В.Я. Нечаев сделали обоснованный, по нашему мнению, вывод о том, что в управлении общественными системами и процессами мониторинг выполняет следующие функции: а) определение состояния предмета исследования по заданным параметрам в определённых временных интервалах и выявление, на этой основе, динамики и направленности его развития; б) выявление причинных связей и зависимостей между наблюдаемыми явлениями, а также возможных дисфункций, которые возникают в ходе их развития, и противоречий; в) прогнозирование развития исследуемых процессов на основе данных мониторинга; г) информационное обеспечение постановки управленческих задач, разработки программ и проектов; е) систематический контроль за ходом процессов и их коррекция в желательном для управленческой системы направлении [8].

Признавая в целом правильность изложенной мысли, считаем, что существует необходимость сделать определённые замечания. Во-первых, социальный мониторинг, в том числе и криминологический мониторинг, не должен ограничиваться выявлением лишь причинных связей между явлениями и процессами, которые представляют его предмет. Криминологически значимыми являются также и иные известные виды детерминационных связей, пренебрежение которыми может повлечь неполноту и недостоверность интерпретации получаемой информации. Во-вторых, трудно согласиться с функцией прогнозирования, которую указанные ученые возлагают на мониторинговую деятельность. Социальное (в частности, и криминологическое) прогнозирование – гносеологически условно автономный вид деятельности, отличающийся достаточно глубокими содержательными и процедурными характеристиками, которые, безусловно, хотя и реализуются в процессе управления в системе противодействия преступности, однако приобретают значение самостоятельного сектора научно обоснованного менеджмента и не охватываются мониторинговой деятельностью. Следовательно, наделять мониторинг функцией прогнозирования не целесообразно. В то же время, он *имеет прогностическую направ-*

ленность, то есть формирует необходимую и достаточную информацию, которая способна быть встроенной в информационную модель по определённому обобщённому сценарию и использованной для дальнейшего научного предвидения будущего. Таким образом, криминологический мониторинг *способствует* криминологическому прогнозированию, а не реализует его самостоятельно.

С учетом изложенных замечаний более обоснованной кажется позиция А.М. Бандурки и А.Н. Литвинова, которые предлагают понимать криминологический мониторинг как определённую практической необходимостью научную, основанную на познании закономерностей развития определённого явления и процесса, постоянно функционирующую систему наблюдения, измерения и оценки их состояний в разные периоды. Содержание криминологического мониторинга, таким образом, составляют процессы получения, обработки и анализа необходимой для формулировки конечных выводов информации [9, с. 146–147]. При этом криминологический мониторинг не отличается особой глубиной исследований, его задача – обеспечение своевременного реагирования на системные изменения [10, с. 63].

Однако и данный подход не лишен отдельных недостатков. В частности, в нем не отображена структурно-функциональная принадлежность мониторинговой деятельности к управленческому блоку системы противодействия преступности. В связи с этим, импонирует предложенная Е.Н. Блаживским дефиниция, в соответствии с которой криминологический мониторинг (мониторинг противодействия преступности) определяется как открытая, динамическая, нелинейная постоянно действующая система наблюдения, содержанием которой являются осуществляемые на научной основе сбор, анализ, обобщение и оценка криминологически значимых явлений, процессов и состояний объектов в разные периоды времени с целью повышения (поддержания) эффективности управления противодействием преступности [7, с. 30]. Данное определение является достаточно полным и насыщенным разнородными признаками. При этом, вместе с позитивными его чертами, сле-

дует указать и на недостатки, а именно: в нем неоправданно, по нашему мнению, смешаны структурная и функциональная характеристики указанной разновидности мониторинга, что привело к обобщению и оценке его содержания. Названные процедуры, очевидно, не могут быть объединены в единую категорию «наблюдение», ведь последнее обычно понимается как метод научного исследования, заключающийся в активном, систематичном, целенаправленном, планомерном восприятии объекта, в ходе которого получается знание о внешних сторонах, свойствах и отношениях исследуемого объекта. Следовательно, наблюдение имеет научные потенции исключительно феноменологического содержания и не охватывает генеалогические свойства исследуемого объекта. Это значит, что наблюдение способно выявить лишь атрибутивные показатели явления или процесса, не отображая детерминационно важные их характеристики, закономерности развития. Эти параметры определяются при анализе полученной в результате наблюдения информации и формирования обоснованной её оценки, учитывая научные положения теории криминогенной детерминации вообще и правовой детерминации (если идет речь о криминологическом мониторинге эффективности правового регулирования), в частности.

Исходя из этого, имеем возможность предложить следующее *определение криминологического мониторинга*: это осуществляемая на постоянной основе системная деятельность, заключающаяся в научно обоснованном определении криминологической информации прогностической направленности, её сбора, анализа, обобщения и оценки с целью повышения (поддержания) эффективности управления противодействием преступности. Предложенное видение мониторинга противодействия преступности является родовым для целого класса социального мониторинга.

Анализируя криминологический мониторинг справедливости и эффективности применения уголовного законодательства А.Э. Жалинский считает целесообразным признать его объектом уголовное законодательство как таковое, а также правоприменительную практику. При этом – отмеча-

ет ученый – последняя, отображая состояние уголовного законодательства, рассматривается как технологический управленческий процесс предоставления крайне специфических и вынужденных услуг населению и государству, что делает его похожим, например, на медицинскую деятельность. Такой подход позволяет задаваться вопросом об улучшении процесса предоставления услуг и собственно их качества [11, с. 38]. Следует, по нашему мнению, согласиться с сервисной природой правоприменительной практики, осуществляемой со стороны государства, а следовательно, и природы её криминологического мониторинга. Однако считаем не совсем обоснованным сужать объект мониторинговой деятельности исключительно к законодательству и правоприменительной практике. При таком подходе остаются «белые пятна» в криминологической оценке правового регулирования, результатом чего является необеспеченность научным сопровождением наблюдения за эффективностью развития правоотношений и правореализации. То есть уделяется внимание исключительно публично обозначенной стороне правового регулирования, а диспозитивная практика относительно реализации гражданами своих прав, выполнения обязанностей, удовлетворения потребностей из числа тех, которые отображены в предмете правоотношений, остаётся вне научно-поиска и анализа.

Подобный вектор деятельности в целом не отражает заявленный А.Э. Жалинским сервисный характер правоприменительной практики, ведь ставит её во главу угла, наделяя приоритетом перед правореализацией. Вместе с тем, известно, что указанные элементы механизма правового регулирования функционируют на паритетных началах, чем и обеспечивается стабильность правоотношений в целом, их бесконфликтный характер, гармоничное взаимодействие государственно-правовых институтов с элементами самоорганизации общества.

На основании этого, *объектом криминологического мониторинга эффективности правового регулирования* предлагаем признать правовое регулирование в целом, как государственно-властное упорядочивание общественных отношений правовыми

средствами. Это блок социально-правовых явлений и процессов, которые происходят в определенных нормативно-правовыми актами формах, пределах и направлены на устранение (минимизацию) общественных противоречий, удовлетворение потребностей, запросов населения в регламентации существующих социальных практик, создания условий для конструктивного развития, а также возникновение и развитие новых их разновидностей.

Специфика объекта криминологического мониторинга эффективности правового регулирования позволяет отнести его к одной из форм внутреннего контроля со стороны государства по отношению к результативности, разработанного и внедренного её компетентными органами инструментов преобразования социальной действительности. Таким образом, криминологический мониторинг выступает в качестве определенного стабилизационного узла в социально-правовом механизме криминально-превентивной деятельности, что позволяет снижать криминогенный резонанс от инициированного правового регулирования, синхронизировать взаимодействие правовых институтов с институтами иных социальных подсистем – экономической, политической, культурно-психологической (духовной).

Такое видение криминологического мониторинга эффективности правового регулирования, проистекающее из его объекта, в целом воспроизводит общую функцию деятельности относительно противодействия преступности в её фокусировке в плоскости юридически обусловленных практик. Противодействие преступности, как подсистема социального управления, находится в неразрывной связи с правовым регулированием: она им обеспечена, предопределена и на него же направлена, функционально оказывается жизненно важным инструментом перевода знаково-сигнальной формы права в плоскость правоотношений, правоприменения и правореализации каналами информационной причинности, гарантированной комплексом превентивных мер специально-криминологического характера.

Констатация описанной диалектической связи системы противодействия преступности с правовым регулирова-

нием позволило А.Н. Литвинову совершенно обосновано, по нашему мнению, выделить отдельную сторону её существования, которая обеспечивает динамическую и общественно-сервисную, гуманитарную направленность. Речь идет о социально-правовом механизме противодействия преступности. При этом ученый отмечает, что существует, по крайней мере, три основных формы проявления правового в данной системе (системе противодействия преступности – Д. М.), которые связаны с диалектикой соотношения права и его опредмеченной формы – закона: а) правовая легитимность институализации субъектов противодействия преступности; б) нормативно-правовое закрепление их компетенции; в) легитимность форм, методов и средств реализации деятельности [12, с. 92]. Считаем, есть смысл согласиться с изложенной мыслью, однако заметим, что связь криминологической практики и права отмеченными аспектами не ограничивается. Есть достаточно оснований вести речь об обратном преобразовательном влиянии предупредительной деятельности на правовую систему. Такое влияние может осуществляться средствами криминологической экспертизы нормативно-правовых актов и их проектов, а также криминологического мониторинга эффективности правового регулирования.

Выводы. Таким образом, криминологический мониторинг эффективности правового регулирования возможно рассматривать в качестве компонента социально-правового механизма противодействия преступности. Последний, однако, характеризуется многоуровневой организацией, разнонаправленностью. В связи с этим криминологический мониторинг эффективности правового регулирования, в соответствии с функциональными параметрами правовых факторов в структуре системы противодействия преступности, может быть представлен двумя относительно самостоятельными направлениями (разновидностями): криминологический мониторинг эффективности общественного правового регулирования и правового регулирования в сфере противодействия преступности. Первый – обеспечивает криминологическое влияние на общественные отно-

шения, которые прямо не связаны с деятельностью специализированных субъектов противодействия преступности. Второй – фокусируется на общественных отношениях, которые возникают в связи с организацией, обеспечением и непосредственной реализацией мероприятий криминальной превенции специально-криминологического характера. Полагаем, изложенные положения, отражающие структурно-функциональную природу криминологического мониторинга эффективности правового регулирования, способствующему дальнейшему его изучению и внедрению в криминологически-превентивную практику.

Список использованной литературы:

1. Преступность и общество: историко-правовой и социально-экономический аспекты: сборник научных статей / под ред. Е. П. Ким. – Хабаровск : Изд-во Дальневост. юрид. ин-та МВД России, 2008. – 280 с.
2. Горшенков А. Г. Криминологический мониторинг как инструмент противодействия коррупции / А. Г. Горшенков, Г. Н. Горшенков // Следователь. – 2010. – № 4. – С. 26–29.
3. Карпец А. В. Мониторинг и оценка наркоситуации / А. В. Карпец, И. Е. Махров, Э. М. Виноградова. – М.: Юстицинформ, 2010. – 224 с.
4. Стороженко И. В. Методологические основы антикоррупционного мониторинга в криминологическом значении / И. В. Стороженко // Российская юстиция. – 2010. – № 9. – С. 56–60.
5. Кривококов И. А. Социальный мониторинг: теоретико-методологическое обоснование, статистический анализ: дис. ... канд. социолог. наук: 22.00.08 / Илья Александрович Кривококов; Российская академия управления. – М., 1994. – 138 с.
6. Рычихина Э. Н. Мониторинг в системе управления муниципальным образованием: автореф. дис. ... докт. социолог. наук: 22.00.08 / Э. Н. Рычихина. – М., 2010. – 49 с.
7. Блаживский Е. Н. Мониторинг противодействия преступности в Украине: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Евгений Николаевич Блаживский; Харьковский национальный университет внутренних дел. – Х., 2013. – 418 с.

8. Добренев В. И. Методологические основы организации социологического мониторинга угроз информационной безопасности региона России / В. И. Добренев, Н. И. Ефимов, В. Я. Нечаев: Ломоносовские чтения: сборник научных статей: в 2-х т. – Т. 1. – М., 2002 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://archive.today/e3N18>

9. Бандурка А. М. Противодействие преступности и профилактика преступлений: монография / А. М. Бандурка, А. Н. Литвинов. – Х. : Изд-во ХНУВД, 2001. – 308 с.

10. Литвинов А. Н. Опыт системного исследования профилактики преступлений. Современное состояние проблемы: монография / А. Н. Литвинов, М. М. Быргеу. – М. : «ЮрКнига», 2004. – 160 с.

11. Жалинский А. Э. О необходимости мониторинга справедливости и эффективности применения уголовного закона / А. Э. Жалинский // Криминологический мониторинг: современное состояние и пути повышения эффективности: материалы конференции. – М. : ИМПЭ им. А. С. Грибоедова, 2009. – С. 36–45.

12. Литвинов А. Н. Социально-правовой механизм противодействия преступности в Украине: монография / А. Н. Литвинов. – Х. : Изд-во ХНУВД, 2008. – 446 с.